

УДК 316.6

DOI: 10.18384/2310-7235-2022-2-117-134

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЦ, НАХОДЯЩИХСЯ В СОСТОЯНИИ ОСТРОЙ СОЦИАЛЬНОЙ САМОИЗОЛЯЦИИ (ХИКИКОМОРИ)

Нестерова А. А., Кичман Д. Н.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,

Российская Федерация

Аннотация

Цель данной статьи заключается в определении личностных особенностей молодых людей, проявляющих в своём социальном поведении крайние формы изоляции и отчуждения и называемых хикикомори.

Процедура и методы. На основе теоретического анализа и проведённого эмпирического исследования на выборке 272 человек, были уточнены некоторые социально-психологические характеристики хикикомори. В исследовании принимали участие молодые люди в возрасте от 18 до 30 лет, 68 из которых определяли себя как «хикикомори» и обозначали, что они минимально контактируют с внешним миром. Использовались следующие методики: авторская адаптация скрининг-методики определения хикикомори HQ-25 (А. Тео); Методика измерения уровня выраженности эскапизма (Т. Н. Савченко, О. И. Теславская, Е. В. Беловол, А. А. Кардапольцева); Опросник субъективного отчуждения С. Мадди и соавторов (ОСОТЧ, адаптация для юношеского возраста Е. Н. Осина, 2011); Методика исследования самоотношения (МИС, С. Р. Пантелеев). Проведен сравнительный анализ данных в двух группах испытуемых, а также корреляционный и регрессионный анализ.

Результаты. В результате сравнительного анализа экспериментальной и контрольной группы было отмечено, что у лиц с острой формой самоизоляции (хикикомори) ярко выражены такие характеристики, как эскапизм, изоляция, вегетативность, бессилие, нигилизм, высокий уровень отчуждения. По всей выборке молодёжи отмечены высокие баллы по шкале «проблемы социализации». Среди особенностей самоотношения у хикикомори выражены неудовлетворённость своими возможностями, ощущение слабости, низкий уровень самоуважения, а также вера в то, что их личность вызывает у других людей неодобрение и неприятие. В целом, все показатели по методике МИС тяготеют к отрицательному полюсу.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты проведённого исследования расширяют представление о феномене хикикомори, всё чаще регистрируемом среди молодёжи в России, а также открывают перспективу разработки психологических практик, ориентированных на психологическую коррекцию неадаптивных личностных черт людей, склонных к острым формам самоизоляции и эскапизму.

Ключевые слова: хикикомори, социальная изоляция, эскапизм, отчуждение, самоотношение, проблемы социализации, молодёжь

PERSONAL CHARACTERISTICS OF PEOPLE IN A STATE OF ACUTE SOCIAL SELF-ISOLATION (HIKIKOMORI)

A. Nesterova, D. Kichman

Moscow Region State University

ul. Very Voloshinoy 24, Moscow region, Mytishchi 141014, Russian Federation

Abstract

Aim of this article is to determine some of the personality characteristics of young people who manifest in their social behavior extreme forms of social withdrawal and alienation called hikikomori.

Methodology. On the basis of the theoretical analysis and the empirical study on a sample of 272 people, some socio-psychological characteristics of hikikomori were clarified. The study involved young people aged 18 to 30, 68 of whom defined themselves as “hikikomori” and indicated that they have almost minimal contact with the outside world. The following methods were used: the author’s adaptation of the screening method for determining hikikomori HQ-25 (A. Teo); Questionnaire for measuring the level of escapism severity (T.N. Savchenko, O.I. Teslavskaya, E.V. Belovol, A.A. Kardapolitseva); Alienation test by Maddi et al. (SAQ, adaptation for adolescence by E.N. Osin (Osin, 2011); Questionnaire for the study of self-attitude (S.R. Panteleev). A comparative analysis of data in two groups of subjects, as well as a correlation and regression analysis were made.

Research implications. As a result of the comparative analysis of the experimental and control groups, it was noted that individuals with an acute form of social withdrawal (hikikomori) have such pronounced characteristics as general escapism, isolation, vegetativeness, impotence, nihilism, and a high level of alienation. In the entire sample of young people, high scores on the “problems of socialization” scale were noted. The features of self-attitude among hikikomori the dissatisfaction with their abilities was noted, as well as a feeling of weakness, doubts about the ability to command respect, and the belief that their personality causes disapproval and rejection in other people. In general, all indicators according to the Questionnaire for the study of self-attitude gravitate towards the negative pole.

Research implications. The results of the study expand the understanding of the hikikomori phenomenon, which is increasingly being recorded among young people in Russia, and also open up the prospect for developing psychological practices focused on the psychological correction of non-adaptive personality traits of people prone to acute forms of self-isolation and escapism.

Keywords: hikikomori, social withdrawal, escapism, alienation, self-attitude, socialization problems, youth

Введение в проблему

Впервые явление «хикикомори» (или острая социальная самоизоляция) было описано в Японии в конце XX в. Оно определялось как состояние, при котором человек добровольно остаётся в собственном доме на протяжении 6 месяцев и более, при

этом остро ограничивая какие-либо формы социального взаимодействия с другими людьми [26, с. 178]. В настоящий момент представление о хикикомори находится в стадии активного обсуждения. Само положение феномена в области научного знания в настоящий момент находится среди интере-

сов психиатрии, где рассматриваются патологические формы острой самоизоляции и патогенез этой изоляции, и различными областями психологии. Последние годы всё более активно изучается данная проблема в социальной психологии, рассматривая «хикикомори» как одну из форм социального поведения человека, выражающуюся в выборе человеком наиболее радикальных форм отчуждения, избегания прямых взаимодействий с людьми и изоляции от реальных контактов. В русском языке термин «хикикомори» применим как к самому феномену, так и к лицам, находящимся в состоянии острой социальной изоляции.

С точки зрения антропологии феномен хикикомори всё чаще рассматривается не как психическое расстройство, а как реакция человека на столкновение с тяжёлым дистрессом. Социология трактует этот феномен как яркую форму социального выражения недовольства, протеста или «жалобы» человека на современное общество. Это состояние можно рассматривать как ответную реакцию на фрустрацию, как форму пассивного сопротивления при столкновении с высоким уровнем давления со стороны общества и других людей при переходе юного человека из подросткового возраста во взрослую жизнь.

В исследованиях многих авторов показано, что хикикомори начинают своё социальное затворничество после окончания школы или в течение обучения в последних классах школы (например, после отчисления за неуспеваемость или при столкновении с какими-либо проблемами). [3; 5; 20; 24]. В поведении хикикомори наблюдается не только ограничение социаль-

ных контактов с внешним миром, но также и с членами собственной семьи: они редко выходят из своей комнаты, ограничивая контакты даже с самыми близкими людьми. В наиболее лёгких случаях хикикомори могут позволить себе выйти на ночную прогулку, но на ограниченное количество времени и с минимизацией возможности контактов с другими людьми.

Согласно представлениям современных исследователей, хикикомори является кросскультурным феноменом, который не специфичен только для японской культуры, как считалось раньше [27]. В научной литературе есть сообщения о случаях хикикомори в Китае [14], Южной Корее [17], Финляндии [15], США [27], Украине [11] и других странах. Среди типичных поведенческих паттернов, характерных для хикикомори, исследователи отмечают добровольную самоизоляцию, избегание каких-либо социальных контактов (вплоть до ограничения взаимодействия с семьёй), зачастую отмечается отсутствие постоянной работы и/или места обучения [25]. Всё больше появляется исследований, отмечающих, что явление хикикомори – это интернациональное явление, которое обнаруживает себя не только в Японии и странах Азии, но и во всём мире. Мета-анализ, проведённый в 2022 г., показал, что в кросскультурной перспективе явление хикикомори на Ближнем Востоке, в Европе, Восточной Азии, Арабских странах, России и Украине имеет общие характеристики с подобным феноменом, впервые описанным в Японии. Более 80% исследований разных стран констатируют, что в острой изоляции молодые люди не работают и не учатся,

не общаются вне дома и остаются в своём жилище большую часть времени (за исключением уединённых ночных прогулок). Кросскультурные различия проявляются в том, что среди «западных» хикикомори несколько чаще встречаются женщины, молодёжь более старшего возраста (почти нет подростков), и сам период хикикомори несколько короче, нежели это описывают японские исследователи [21].

В разных странах Восточной Азии неодинаково определяют феномен «хикикомори». Так, в Японии состояние хикикомори чаще связывают с психическими расстройствами; в Гонг-Конге хикикомори определяют как закрытую молодёжь, склонную к игровой и интернет-аддикции; в Сингапуре – как социально замкнутую от общества группу молодёжи, не посещающую учебные заведения, с низкой успеваемостью и проблемами в отношениях со сверстниками; в Корее – как молодёжь с игровой зависимостью; в Китае – как группу безработной, непродуктивной молодёжи [28].

В России полномасштабных исследований хикикомори не проводилось, при этом многие авторы указывают на наличие этого явления в нашей стране [1; 2; 4; 22]. Так, Я. С. Лякина отмечает, что в социальной сети «ВКонтакте» можно найти десятки групп, посвящённых жизни хикикомори (количество подписчиков у самого популярного паблика для людей, склонных к острой социальной изоляции, более 600 тысяч человек) [4]. Особенно тревожно, что с этими группами ассоциируют себя не только сами хикикомори, но и «сочувствующие» такому образу жизни (так называемая молодёжь с признаками аффиинности). Обычно в этих популяр-

ных среди молодёжи пабликах описываются отдельные истории изоляции, а также размещаются различные картинки-аниме, манги, аниме-сериалы и пр. Российская Федерация не может игнорировать это явление, т. к. учёные прогнозируют рост проявления поведения с признаками острой социальной изоляции (хикикомори), и это может затронуть почти 2% молодёжи во всём мире [9, с. 951].

Теоретический анализ исследований показал, что личностные черты хикикомори не так широко исследованы, но имеются некоторые данные об индивидуально-типологических чертах этих людей. Прежде всего стоит отметить, что в основном хикикомори – это люди, попадающие в возрастную категорию «молодёжь».

Среди особенностей одними из первых были выделены так называемые «5 основных характеристик» хикикомори, которые определялись авторами, как присущие всем людям, находящимся в данном состоянии. К ним относятся: 1) эпизоды «поражения без борьбы»; 2) «Я – идеальное» формируется за счёт чужих желаний и представлений; 3) консервация «Я – идеального»; 4) родительское влияние на образ «Я – идеального» у ребёнка; 5) избегание ситуаций, которые могут вызвать негативное отношение у окружающих [24].

Среди личностных характеристик хикикомори выделяют повышенный уровень переживания одиночества [15], выраженный уровень стресса [20], сниженный уровень жизнестойкости [3], риск суицидального поведения [30].

В исследованиях показано, что хикикомори чаще встречаются в мужской популяции населения [10]. Отмечено,

что к острой социальной изоляции склонны молодые люди, чьи родители страдают какими-либо психическими заболеваниями.

Среди индивидуально-личностных характеристик у хикикомори выявлены следующие особенности: проблемы в межличностных отношениях со сверстниками (буллинг и пр.), снижение уровня автономии личности, низкий уровень самооценки и чрезмерная интроверсия личности [31, с. 27].

В исследовании 2020 г. японских и французских коллег было обнаружено, что на тяжесть состояния хикикомори влияют такие факторы, как симптомы повышенной тревоги и депрессии, соматические жалобы (ипохондрические реакции), отсутствие общения между родителями, а также чрезмерное использование Интернета [13, с. 808]. Отмечается, что хикикомори имеют более высокий уровень пассивно-агрессивного поведения; тенденцию приспосабливать свои эмоции к окружающей среде и людям; склонность подавлять собственные эмоции, когда они чувствуют себя уязвимыми [16]. Показано, что чертами хикикомори являются неконкурентоспособность, неэффективное общение, проблемы с идентичностью из-за негативных оценок со стороны людей [29].

В научной литературе активно обсуждается связь между хикикомори и интернет-зависимостью. Показано, что несмотря на избегание социальных взаимодействий, хикикомори продолжают «придерживаться» виртуальных форм коммуникации, используя альтернативные каналы, в первую очередь, сеть Интернет [29].

В качественных исследованиях, где проводились глубинные интервью с

хикикомори, отмечалось, что они часто отказываются учиться и работать, потому что стыдятся себя и боятся, что их негативно оценят, будут оскорблять и принижать. Хикикомори очень чувствительно относятся к тому, что их стигматизируют, называя «спрятавшаяся молодёжь», «замкнутые парни». Они переживают это и ещё больше закрываются [19]. Часто хикикомори сообщают о чувстве собственной ненужности, безнадёжности и потере доверия к людям. Среди наиболее свойственных им чувств во взаимодействии с людьми они отмечают скуку, страх, стыд, потерю интереса к взаимодействию с кем бы то ни было [29].

Исследования рефлексии по отношению к собственному поведению и образу жизни показывают противоречивые данные: одни исследователи говорят, что хикикомори тяжело переживают своё состояние, оценивают этот опыт как тяжёлый и неприятный [23, с. 641]. Другие исследователи отмечают, что некоторые хикикомори видят в своём состоянии спасение, наслаждаются уединением, ощущают себя свободными от ограничений и временных рамок [18, с. 537].

Было замечено, что люди с более высокой степенью социальной изоляции гораздо ниже субъективно оценивали качество своей жизни (корреляция $r = -0,850$; $p = 0,0000$). Это указывает на то, что социальная изоляция не является положительным фактором улучшения качества жизни хикикомори [8].

Характеристики жизнестойкости и механизмов совладания тоже имеют отличительные особенности у хикикомори. По мнению А. И. Калиниченко, в данной выборке снижен уровень жиз-

нестойкости, особенно по показателю «включённость». Автор объясняет снижение жизнестойкости у хикикомори низкой мотивацией к социальной активности; социальной стигматизацией и вынужденной изоляцией, а также недостатком ресурсов для преодоления социальных стрессоров [3].

Социальные факторы также могут повлиять на усиление поведения острой социальной изоляции. Так, исследование Дж. Гэвина и М. Бронсана показало, что социальные и технологические изменения, вызванные ограничениями COVID-19, могут усугубить риск возникновения состояния хикикомори у молодых людей. Международная выборка из 826 участников заполнила онлайн-анкету, состоящую из вопросов о демографических данных, опыте карантинных ограничений за предыдущие 12 месяцев, изменениях в использовании Интернета за предыдущие 12 месяцев, а также шкалах риска хикикомори. Учёные выяснили, что более высокий риск хикикомори встречался среди юношей, а также тех, кто редко в период изоляции выходил из дома. При этом более активное использование Интернета в период самоизоляции, по заключению авторов, наоборот, снижает риск хикикомори [12, с. 189].

При этом ещё раз стоит заметить, что в России феномен хикикомори недостаточно изучен, нет сведений об индивидуально-типологических характеристиках хикикомори, которые могут повлиять на выбор поведенческих реакций острой социальной изоляции и закрытости.

Таким образом, **цель настоящего исследования** состоит в определении личностных особенностей молодых

людей и хикикомори в рамках сравнительного анализа экспериментальной и контрольной группы.

Процедура и методы исследования

Процедура исследования. Проведён сравнительный анализ личностных особенностей молодых людей, склонных к острой социальной изоляции.

Диагностический инструментарий. Изучение личностных особенностей испытуемых осуществлялось при помощи авторской адаптации скрининг-методики определения хикикомори HQ-25, разработанной Аланом Тео и коллегами; Методики измерения уровня выраженности эскапизма (Т. Н. Савченко, О. И. Теславская, Е. В. Беловол, А. А. Кардапольцева); Опросника субъективного отчуждения С. Мадди (ОСОТЧ; адаптация для юношеского возраста Е. Н. Осина, 2011); Методики исследования самоотношения (МИС, С. Р. Пантелеев). Данные обрабатывались с помощью сравнительного анализа по критерию Манна-Уитни, корреляционного и регрессионного анализа. Все данные обрабатывались в статистическом пакете Statistica 12.

Выборка исследования. Выборка представлена двумя сравнительными группами: группа хикикомори и контрольная группа молодых людей, не склонных к поведению острой социальной изоляции. Хикикомори исследовались через социальные сети, тематические форумы и социальные группы людей, склонных к социальной изоляции. В связи с трудностью поиска не просто замкнутых и интровертированных молодых людей, а именно юношей и девушек, проявляющих поведение хикикомори, перед началом

основного исследования проводилась фильтрация выборки по заданным критериям: 1) опыт социальной изоляции не менее 6 месяцев (не связанных с карантинными мерами по COVID-19); 2) отсутствие диагностированного психического заболевания; 3) изоляция от непосредственных социальных контактов, ограничение общения в близкими. Выборка набиралась в течение 3 лет, начиная с 2019 г. Был установлен контакт с 68 хикикомори, которые согласились принять участие в исследовании (посредством онлайн-опроса). Среди 68 человек подавляющее большинство – юноши (91%). Это согласуется с данными зарубежных исследований, в которых также говорится о том, что к острой социальной изоляции в большей мере склонны именно молодые люди. Общий объем выборки составил 272 человека: юноши и девушки в возрасте от 18 до 30 лет. Контрольная группа была также рандомизирована по полу, возрасту и наличию высшего/среднего образования. Далее в описании и интерпретации результатов для большей ясности мы будем называть людей, склонных к острой социальной изоляции (далее ОСИ) – «хикикомори», а молодых людей контрольной группы – «лица, не склонные к ОСИ».

Результаты и обсуждение

Обнаружена статистически достоверная связь состояния хикикомори с возрастом и уровнем образования. У юношей и девушек старшего возраста состояние хикикомори встречается чаще (распределение частотности показывает, что это возраст 20–25 лет), и чаще это люди, получающие высшее образование или уже окончившие вуз ($r=0,41$, при $p<0,05$). С возрастом уве-

личивался показатель «проблемы социализации» и «изоляция» в группе хикикомори.

Далее проводился сравнительный анализ личностных характеристик хикикомори и лиц, не склонных к острой социальной изоляции (применялся непараметрический критерий Манна-Уитни (U)).

1. Показатели выраженности состояния хикикомори (скрининг-методика А. Тео в авторской адаптации). По теории А. Тео, в состоянии хикикомори можно выделить три основополагающие фактора: «проблемы социализации», «изоляция», «отсутствие эмоциональной поддержки». Результаты сопоставления двух групп – хикикомори и лиц, не склонных к острой социальной изоляции (далее кратко – ОСИ), – представлены в таблице 1.

В группе хикикомори статистически достоверно выше показатели «*изоляции*» (U эмп. = 5488, при $p<0,01$) и «*отсутствие эмоциональной поддержки*» (U эмп. = 5496, $p<0,01$), т. е. можно сказать, что молодёжь, склонная к ОСИ, на поведенческом уровне избегает любого прямого контакта с другими людьми, а также не видит вокруг себя людей, с которыми можно было бы обсудить важные проблемы и получить эмоционально позитивный отклик.

Необходимо отметить, что по шкале «проблемы социализации» достоверных различий в двух выборках обнаружено не было, и показатели довольно высоки в обеих группах. В данной шкале представлены утверждения, которые характеризуют сложности в непосредственном взаимодействии с другими людьми: трудности завязывания отношений, новых знакомств, не-

Таблица 1 / Table 1

Сравнение двух групп по определению хикикомори HQ-25 / Comparison of two groups by Hikikomori Questionnaire (HQ-25)

Переменные	U-критерий Манна-Уитни по переменной «хики» Отмеченные значения значимы при $p < 0.05000$			
	Ранговая сумма «лица, не склон- ные к ОСИ»	Ранговая сумма «хикикомори»	U	p-value
Проблема социализации	27876,00	9252,00	6906,000	0,958120
Изоляция	26398,00	10730,00	5488,000	0,009976*
Отсутствие эмоциональ- ной поддержки	26406,00	10722,00	5496,000	0,010395*

Примечание: * статистически значимые отличия между сравниваемыми группами

Источник: данные авторов.

принуждённого общения, формирования доверия и симпатии. Полученные результаты могут свидетельствовать о том, что в целом по всей нашей выборке у молодёжи наблюдаются некоторые проблемы в построении отношений с другими людьми и сложности социализации. Возможно, это объясняется тем, что часть исследования пришлась на период изоляции, связанной с карантинными ограничительными мерами в ситуации COVID-19. И особо тревожным является тот факт, что по всей выборке (272 человека) все показатели склонности к хикикомори несколько превышают средние значения, особенно по шкале «проблемы социализации». Это является довольно тревожным сигналом в понимании причин принятия решения о социальной изоляции современной молодёжью.

2. Субъективное отчуждение и эскапизм как фактор проявления поведения хикикомори. На следующем этапе сравнивались полученные данные по методикам измерения уровня выраженности эскапизма и субъективного отчуждения.

Социальный эскапизм в умеренном проявлении является нормативной реакцией личности и отражает потребность личности иногда разделять в своём сознании реальную и воображаемую жизнь. Результаты опроса 272 респондентов показали, что уровень эскапизма по всей выборке превышает нормативные значения и в группе хикикомори, и в контрольной группе. Статистически достоверные различия обнаружены только по шкале «Состояние потока» (U эмп. = 5850, при $p < 0,05$), причём данный параметр больше выражен в группе молодёжи, не склонной к острой социальной изоляции (ОСИ). Можно отметить, что молодёжь в контрольной группе в большей мере отличается чрезмерной вовлечённостью, погружённостью в мечтания и стремлением к получению удовольствия. Авторы методики отмечают, что чрезмерная выраженность этой шкалы может свидетельствовать о том, что такие люди могут испытывать трудности возвращения к реальности [7]. Далее на рисунке 1 представлены различия в показателях социального эскапизма.

Рис. 1 / Fig. 1. Выраженность показателей социального эскапизма в сравниваемых выборках / The severity of indicators of social escapism in the compared samples

Источник: данные авторов.

Анализ данных показывает, что в целом по выборке высокий уровень социального эскапизма был отмечен по шкале «неудовлетворённость и избегание». У большого количества молодёжи, составлявшего выборку, этот показатель имеет высокие значения, что свидетельствует о наличии внутренних конфликтов, рассогласовании желаемого и действительного. Это может объясняться как особенностями кризиса молодости, так и актуальны-

ми эмоциональными состояниями современной молодёжи, обусловленными происходящими в мире социально значимыми событиями, а также новыми условиями киберсоциализации [1; 6].

По опроснику субъективного отчуждения были замечены статистически значимые различия почти по всем шкалам в двух сравниваемых выборках, кроме шкалы «авантюризм» (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Сравнение субъективного отчуждения в двух группах / Comparison of the two groups' Subjective Alienation

Показатели	Ранговая сумма «лица, не склонные к ОСИ»	Ранговая сумма «хикикомори»	U	p-value
Вегетативность	25728,00	11400,00	4818,000	0,000164*
Бессилие	26046,00	11082,00	5136,000	0,001359*
Нигилизм	25520,00	11608,00	4610,000	0,000035*
Авантюризм	27070,00	10058,00	6160,000	0,167448

Окончание табл. 2

Показатели	Ранговая сумма «лица, не склон- ные к ОСИ»	Ранговая сумма «хикикомори»	U	p-value
Отчуждение от работы	26260,00	10868,00	5350,000	0,004768*
Отчуждение от общества	26714,00	10414,00	5804,000	0,043993*
Отчуждение от людей	25666,00	11462,00	4756,000	0,000105*
Отчуждение от семьи	25600,00	11528,00	4690,000	0,000064*
Отчуждение от себя	25902,00	11226,00	4992,000	0,000541*
Общий уровень отчуждения	25906,00	11222,00	4996,000	0,000556*

Примечание: * статистически значимые отличия между сравниваемыми группами

Источник: данные авторов.

Можно констатировать, что три показателя субъективного отчуждения: «вегетативность», «бессилие», «нигилизм» в наибольшей степени выражены в группе хикикомори. Все сферы отчуждения (семья, работа, люди, общество и пр.) актуализированы в ней. Самые высокие значения в группе хикикомори по данной методике обнаружены по шкалам «вегетативность», «нигилизм», «отчуждение от работы» и «отчуждение от общества». Неспособность поверить в значимость осуществляемой деятельности, обесценивание личностных смыслов, деструктивная позиция и апатия приводит к тому, что люди, склонные к поведению хикикомори, отчуждаются от всех значимых сфер своей жизни и отдаляются от людей и общества. Этот вывод согласуется с данными зарубежных авторов [14; 20; 27].

Также отечественные исследователи утверждают, что в целом поколение «Миллениум» более склонно к отчуждению важных аспектов своей реальности [5].

3. Особенности самоотношения хикикомори. Как свидетельствует большое количество психологических исследований, наличие высокой самооценки, самоуважение приводит индивида к убеждению в том, что он – хороший, достойный и положительно воспринимаемый другими людьми человек. Именно таким образом формируется позитивная идентичность в различных сферах жизни.

Результаты исследования указывают на проблемы идентичности в группе хикикомори. На рисунке 2 представлены различия в двух группах по методике исследования самоотношения. Различия в двух выборках были обнаружены по шкалам «самоуверенность» (U эмп. = 4830, при $p < 0,01$), «саморукводство» (U эмп. = 5814, при $p < 0,05$) и «зеркальное Я» (U эмп. = 5634, при $p < 0,05$). Все три показателя входят в фактор «самоуважение», и эти показатели ниже в группе изолирующейся молодёжи. Таким образом, можно говорить о том, что хикикомори сомневаются в том, что могут уважать себя, они имеют более низкий уровень саморегу-

ляции и способности брать ответственность за свою жизнь, а также постоянно ожидают негативных оценок своей личности со стороны других людей. В отношении понимания фактора самооценки есть противоположные сведения в различных исследованиях о хикикомори. Одни учёные заявляют, что нарушение

процесса позитивной идентификации является чуть ли ни основной причиной появления симптомов хикикомори в то время, как другие исследователи констатируют, что у «прячущейся молодёжи» достаточно стабильная позитивная самооценка, и даже приписывают им нарциссические черты личности.

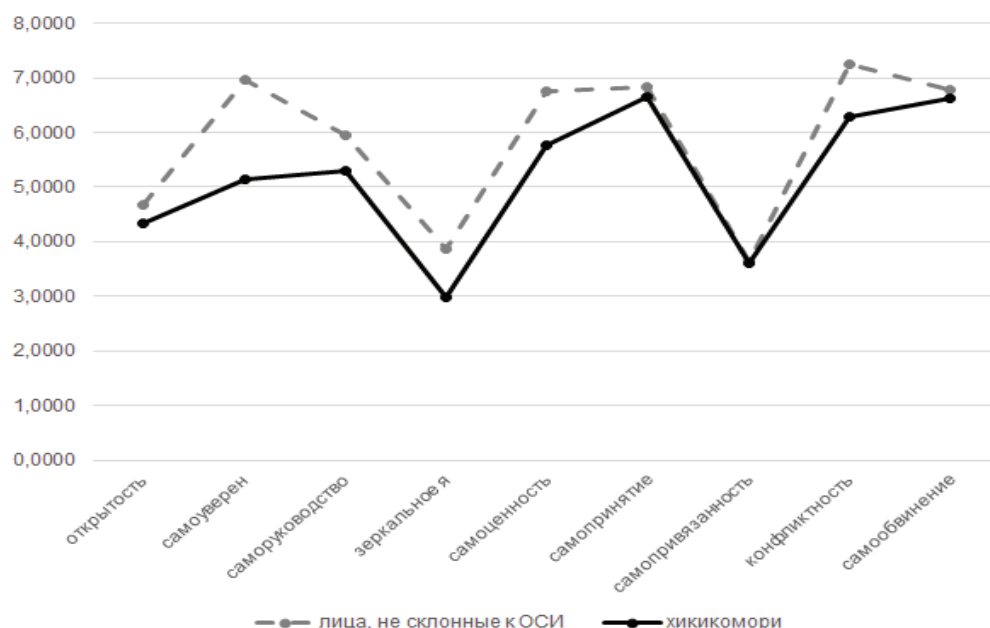

Рис. 2 / Fig. 2. Выраженность показателей самоотношения в сравниваемых выборках / The severity of self-attitude indicators in the compared samples

Источник: данные авторов.

Хочется также отметить, что в целом по всей выборке обнаружены низкие показатели по шкале «самопривязанности», что говорит о стремлении молодёжи из двух выборок к некоему недостижаемому идеальному образу, желанию изменить что-то в себе, обусловленному недовольством собой. Высоки показатели в обеих группах по шкалам «внутренняя конфликтность» и «самообвинения».

4. Взаимосвязь между показателями поведения хикикомори и личностными характеристиками. В завершении был проведён корреляционный анализ взаимосвязи личностных черт и атрибутов поведения хикикомори (ранговая корреляция по Спирмену).

Высокий прямо пропорциональный коэффициент корреляции наблюдается между различными атрибутами поведения хикикомори и общим уровнем эскапизма и отчуждения. Почти

Таблица 3 / Table 3

Взаимосвязь показателей поведения ОСИ (хикикомори) и личностных характеристик / The correlation between the indicators of hikikomori's behavior and personal characteristics

Показатели	Поведение хикикомори	Проблемы социализации	Изоляция	Отсутствие эмоциональной поддержки
Общий уровень социального эскапизма	-0,043	0,186*	0,218*	0,136*
Общий уровень отчуждения	0,209*	0,182*	0,241*	0,266*
Открытость	-0,072	-0,096	-0,119*	-0,110
Самоуверенность	-0,228*	-0,117	-0,190*	-0,184*
Саморуководство	-0,122*	-0,120*	-0,142*	-0,149*
Зеркальное Я	-0,142*	-0,161*	-0,203*	-0,288*
Самоценность	-0,114	-0,199*	-0,201*	-0,241*
Самопринятие	-0,031	-0,088	-0,087	-0,111
Самопривязанность	-0,052	-0,013	-0,016	-0,009
Внутренняя конфликтность	-0,106	0,125*	0,075	0,068
Самообвинение	-0,008	0,161*	0,149*	0,166*

Примечание: * статистически значимые связи между показателями

Источник: данные авторов.

все показатели хикикомори обратно пропорционально связаны с такими характеристиками самоотношения личности, как самоуверенность, саморуководство, зеркальное Я, самооценност.

Из отдельных коэффициентов корреляции можно отметить прямую взаимосвязь между всеми шкалами скрининг-опросника хикикомори и самообвинением, что говорит о том, что хикикомори склонны ставить только себе в вину свои промахи и неудачи, не прощать себя за ошибки. Проблемы социализации статистически значимо связаны с высоким уровнем конфликтности ($r = 0,125$, при $p < 0,05$). Высокий уровень изоляции предполагает низкий уровень открытости личности, о чём свидетельствует коэффициент корреляции с отрицательным знаком ($r = -0,119$, при $p < 0,05$).

Дополнительно проведённый регрессионный анализ показал, что в поведение хикикомори бóльший вклад вносят такие переменные, как пол (мужской), высокий уровень субъективного отчуждения (особенно от работы и общества в целом), высокий уровень нигилизма, самообвинения, низкий уровень самоуверенности.

Заключение

Поведение хикикомори связано с социально-психологическими особенностями людей, склонных к острой социальной изоляции. Анализ полученных нами результатов даёт основание сделать следующие выводы относительно личностных особенностей хикикомори в России.

1. В российской выборке хикикомори представлены в большей степени представителями мужского пола.

Стоит отметить, что в женской выборке хикикомори показатели самообвинения и внутренней конфликтности, также как и закрытость и недоверие к миру, статистически достоверно выше, чем у юношей. Девушки проявляют ещё более радикальные формы социальной изоляции и ухода от контактов. Чаще всего поведение острой социальной изоляции проявлялось в нашей выборке в возрасте от 20 до 25 лет.

2. Хикикомори имеют высокий уровень социального эскапизма, равно как и высокий уровень субъективного отчуждения. В выборке хикикомори было выявлено, что среди присущим им качеств преобладает нигилизм, бессилие и вегетативность, что подчёркивает ощущение беспомощности в возможности наладить отношения с окружающим миром.

3. В статье изучены такие личностные характеристики хикикомори, как эскапизм, уровень субъективного отчуждения, самоотношение. Последняя характеристика отличается низким уровнем самоуважения: показатели самоуверенности, саморуководства и зеркального Я находятся в зоне низких значений. Хикикомори склонны к самообвинениям и интрапсихическим конфликтам, что характеризует их внутреннюю неустойчивость.

4. Наибольший вклад в формирование поведения хикикомори вносят такие переменные, как принадлежность к мужскому полу, самоотчуждение от значимых сфер своей жизни и от собственной личности, высокий уровень нигилизма, самообвинения и отсутствие самоуважения. Внутренняя конфликтность личности влияет на возникновение проблем в социализации хикикомори, а замкнутость и желание

спрятаться от мира связаны с поведением острой социальной изоляции.

4. В целом по выборке молодёжи, в том числе в контрольной группе, 나타стораживают высокие показатели социального эскапизма (наличие высоких значений), а также достаточно нестабильный уровень самоотношения, характеризующийся достаточно высокими показателями внутренней конфликтности и самообвинений, равно как и низким уровнем зеркального Я, что говорит о чувствительной зависимости личности современных молодых людей от оценки окружающих.

5. Найдена корреляция между стремлением к изоляции, отчуждением и самоотношением в группе хикикомори. Проведён регрессионный анализ, позволяющих определить индивидуально-типологические особенности людей с признаками хикикомори, вносящими наибольший вклад в формирование поведения острой социальной изоляции и отчуждения.

Полученные данные требуют более глубокого анализа, сопоставления с данными релевантных исследований во всём мире, как на Востоке, так и на Западе. При этом, изучение феномена хикикомори, проявляющегося в российской действительности, имеет несомненные *перспективы*, т. к. поведение острой социальной изоляции всё чаще регистрируют исследователи и в нашей стране (в том числе, описание поколения NEET). Полученные сведения о личностных особенностях хикикомори позволят разработать меры для профилактики формирования поведения отчуждения и изоляции молодёжи, подготовят почву для решения проблем, связанных с социализацией юношей и девушек в условиях циф-

ровизации жизненного пространства, ослабления реальных контактов и возможностей активного социального взаимодействия.

Ограничения данного исследования могут быть связаны со сложностью сбора данных в выборке хикикомори, которые категорически не готовы к глубинным интервью и непосред-

ственному общению с исследователями, а также отсутствием единой эмпирической модели изучения данного феномена, т. к. методология и диагностический инструментарий для постижения данного явления ещё находятся на этапе становления и апробации.

Статья поступила в редакцию 22.03.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Айсина Р. М., Нестерова А. А. Киберсоциализация молодёжи в информационно-коммуникационном пространстве современного мира: эффекты и риски // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 4. С. 42–57.
2. Войскунский А. Е., Солдатова Г. У. Эпидемия одиночества в цифровом обществе: хикикомори как культурно-психологический феномен // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27. № 3. С. 22–43.
3. Калиниченко А. И. Исследование уровня жизнестойкости хикикомори // Молодёжь третьего тысячелетия: сборник научных статей XLI Региональной студенческой научно-практической конференции / Омск, 10 – 28 апреля 2017 года / под ред. С. В. Белима. Омск: Издательство Омского государственного университета, 2017. С. 308–312.
4. Лякина Я. С. Феномен хикикомори: обзор исследований // Reflexio. 2018. Т. 11. № 1. С. 99–153.
5. Мичкова Н. С., Ошемкова С. А. Экзистенциальные картины мира представителей поколения “X” и поколения “Миллениум”: особенности переживания бессмысленности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2021. № 2. С. 60–78.
6. Сидячева Н. В., Губанов А. В., Зотова Л. Э. Социально-психологические детерминанты психологического самочувствия в период пандемии COVID-19: данные международного исследования // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 4. С. 82–98.
7. Теславская О. И., Савченко Т. Н. Субъективное качество жизни и психологическая адаптация у лиц с низким, средним и высоким уровнем эскапизма // Экспериментальная психология. 2019. Т. 64. № 2. С. 162–176.
8. Chan G. H., Lo T. W. Hidden youth services: What Hong Kong can learn from Japan // Children and Youth Services Review. 2014. № 42. С. 118–126.
9. Chan H., Lo T. Quality of life of the hidden youth in Hong Kong // Applied Research in Quality of Life. 2014. № 9 (4). P. 951–969.
10. Chauliac N., Couillet A., Faivre S. Characteristics of socially withdrawn youth in France: a retrospective study // International Journal of Social Psychiatry. 2017. № 63 (4). P. 339–344.
11. Frankova I. Does hikikomori exist in Ukraine? // European Psychiatry. 2017. № 41 (1). P. 228–288.
12. Gavin J., Brosnan M. The Relationship Between Hikikomori Risk and Internet Use During COVID-19 Restrictions // Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. 2022. № 25 (3). P. 189–193.
13. Hamasaki Y., Pionniy-Dax N., Dorard G. Identifying social withdrawal (hikikomori) factors in adolescents: understanding the hikikomori spectrum // Child Psychiatry & Human

- Development. 2021. № 52 (5). P. 808–817.
14. Hu X., Fan D., Shao Y. Social Withdrawal (Hikikomori) Conditions in China: A Cross-Sectional Online Survey // *Frontiers in Psychology*. 2022. № 13. URL: <https://www.frontiersin.org> (дата обращения: 10.01.22).
 15. Husu H. M., Vдлімдкі V. Staying inside: social withdrawal of the young, Finnish 'Hikikomori' // *Journal of Youth Studies*. 2017. № 20 (5). P. 605–621.
 16. Katsuki R., Inoue A., Indias S. Clarifying deeper psychological characteristics of hikikomori using the rorschach comprehensive system: a pilot case-control study // *Frontiers in Psychiatry*. 2019. № 10. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov> (дата обращения: 10.01.22).
 17. Lee Y. S., Lee J. Y., Choi T. Y. Home visitation program for detecting, evaluating and treating socially withdrawn youth in Korea // *Psychiatry and Clinical Neurosciences*. 2013. № 67 (4). P. 193–202.
 18. Li T. M. H., Liu L., Wong P. W. C. Withdrawal experience and possible way-outs from withdrawal behavior in young people // *Qualitative Social Work*. 2018. № 17 (4). P. 537–555.
 19. Li T. M. H., Wong P. W. C. Youth social withdrawal behavior (hikikomori): a systematic review of qualitative and quantitative studies // *Australian & New Zealand Journal of Psychiatry*. 2015. № 49 (7). P. 595–609.
 20. Nonaka S., Sakai M. Psychological Factors Associated with Social Withdrawal (Hikikomori) // *Psychiatry investigation*. 2021. № 18 (5). P. 463–470.
 21. Nonaka S., Takeda T., Sakai M. Who are hikikomori? Demographic and clinical features of hikikomori (prolonged social withdrawal): A systematic review // *Australian & New Zealand Journal of Psychiatry*. 2022. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov> (дата обращения: 10.10.21).
 22. Petrova Y. A., Alehina M. V., Romanchenko A. P. Hikikomori as psychological type of person by the example of Japan // *Problems of development of a personality: diversity of approaches: Materials of the IV international scientific conference / Prague, November, 15–16, 2017*. P. 67–70.
 23. Rubinstein E. Emplotting hikikomori: Japanese parents' narratives of social withdrawal // *Culture, Medicine, and Psychiatry*. 2016. № 40 (4). P. 641–663.
 24. Suwa M., Suzuki K. The phenomenon of "hikikomori" (social withdrawal) and the socio-cultural situation in Japan today // *Journal of Psychopathology*. 2013. № 19. P. 191–198.
 25. Tajan N., Yukiko H., Pionnii-Dax N. Hikikomori: the Japanese Cabinet Office's 2016 survey of acute social withdrawal // *The Asia Pacific Journal*. 2017. № 15 (5). URL: <https://apjpf.org> (дата обращения: 10.01.22).
 26. Teo A. R. A new form of social withdrawal in Japan: a review of hikikomori // *International journal of social psychiatry*. 2010. № 56 (2). P. 178–185.
 27. Teo A. R., Fetters M. D., Stufflebam K., Identification of the hikikomori syndrome of social withdrawal: psychosocial features and treatment preferences in four countries // *International Journal of Social Psychiatry*. 2015. № 61 (1). P. 64–72.
 28. Wong J. C. M., Wan M. J. S., Kroneman L. Hikikomori phenomenon in East Asia: regional perspectives, challenges, and opportunities for social health agencies // *Frontiers in psychiatry*. 2019. № 10. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov> (дата обращения: 10.01.22).
 29. Yong R. K. F., Kaneko Y. Hikikomori, a phenomenon of social withdrawal and isolation in young adults marked by an anomic response to coping difficulties: a qualitative study exploring individual experiences from first-and second-person perspectives // *Open Journal of Preventive Medicine*. 2016. № 6 (01). URL: <https://www.scirp.org/journal> (дата обращения: 10.01.22).
 30. Yong R., Nomura K. Hikikomori is most associated with interpersonal relationships, fol-

lowed by suicide risks: a secondary analysis of a national cross-sectional study // *Frontiers in psychiatry*. 2019. № 10. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov> (дата обращения: 10.01.22).

31. Yung J. Y., Wong V., Ho G. W. Understanding the experiences of hikikomori through the lens of the CHIME framework: connectedness, hope and optimism, identity, meaning in life, and empowerment; systematic review // *BMC psychology*. 2021. № 9 (1). URL: <https://bmcp psychology.biomedcentral.com> (дата обращения: 10.01.22).

REFERENCES

1. Ajsina R. M., Nesterova A. A. [Cybersocialization of youth in the information and communication space of the modern world: and risks]. In: *Social'naya psihologiya i obshchestvo* [Social psychology and society], 2019, vol. 10, no. 4, pp. 42–57.
2. Vojskunsij A. E., Soldatova G. U. [An epidemic of loneliness in the digital society: hikikomori as a cultural and psychological phenomenon]. In: *Konsul'tativnaya psihologiya i psihoterapiya* [Counseling Psychology and Psychotherapy], 2019, vol. 27, no. 3, pp. 22–43.
3. Kalinichenko A. I. [Study of the level of resilience of hikikomori]. In: Belim S. V., ed. *Molodyozh' tret'ego tysyacheletiya: sbornik nauchnyh statej XLI Regional'noj studencheskoj nauchno-prakticheskoy konferencii / Omsk, 10 – 28 aprelya 2017 goda* [Youth of the third millennium: a collection of scientific articles of the XLI Regional Student Scientific and Practical Conference / Omsk, April 10–28, 2017]. Omsk, Omsk State University Press, 2017, pp. 308–312.
4. Lyakina Ya. S. [The hikikomori phenomenon: a review of research]. In: *Reflexio*, 2018, vol. 11, no. 1, pp. 99–153.
5. Michkova N. S., Oshemkova S. A. [Existential pictures of the world of representatives of generation “X” and generation “Millennium”: features of the environment]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psihologicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychological sciences], 2021, no. 2, pp. 60–78.
6. Sidyacheva N. V., Gubanov A. V., Zotova L. E. [Socio-psychological determinants of psychological well-being during the COVID-19 pandemic: data from international studies]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psihologicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychological sciences], 2020, no. 4, pp. 82–98.
7. Teslavskaya O. I., Savchenko T. N. [Subjective quality of life and psychological adaptation in individuals with low, medium and high levels of escapism]. In: *Eksperimental'naya psihologiya* [Experimental psychology], 2019, vol. 64, no. 2, pp. 162–176.
8. Chan G. H., Lo T. W. Hidden youth services: What Hong Kong can learn from Japan. In: *Children and Youth Services Review*, 2014, no. 42, pp. 118–126.
9. Chan H., Lo T. Quality of life of the hidden youth in Hong Kong. In: *Applied Research in Quality of Life*, 2014, no. 9 (4), pp. 951–969.
10. Chauliac N., Couillet A., Faivre S. Characteristics of socially withdrawn youth in France: a retrospective study. In: *International Journal of Social Psychiatry*, 2017, no. (4), pp. 339–344.
11. Frankova I. Does hikikomori exist in Ukraine? In: *European Psychiatry*, 2017, no. 41 (1), pp. 228–288.
12. Gavin J., Brosnan M. The Relationship between Hikikomori Risk and Internet Use during COVID-19 Restrictions. In: *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 2022, no. 25 (3), pp. 189–193.
13. Hamasaki Y., Pionniñ-Dax N., Dorard G. Identifying social withdrawal (hikikomori) fac-

- tors in adolescents: understanding the hikikomori spectrum. In: *Child Psychiatry & Human Development*, 2021, no. 52 (5), pp. 808–817.
14. Hu X., Fan D., Shao Y. Social Withdrawal (Hikikomori) Conditions in China: A Cross-Sectional Online Survey. In: *Frontiers in Psychology*, 2022, no. 13. Available at: <https://www.frontiersin.org> (accessed: 10.01.22).
 15. Husu H. M., Вдлімдкі V. Staying inside: social withdrawal of the young, Finnish 'Hikikomori'. In: *Journal of Youth Studies*, 2017, no. 20 (5), pp. 605–621.
 16. Katsuki R., Inoue A., Indias S. Clarifying deeper psychological characteristics of hikikomori using the rorschach comprehensive system: a pilot case-control study. In: *Frontiers in Psychiatry*, 2019, no. 10. Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov> (accessed: 10.01.22).
 17. Lee Y. S., Lee J. Y., Choi T. Y. Home visitation program for detecting, evaluating and treating socially withdrawn youth in Korea. In: *Psychiatry and Clinical Neurosciences*, 2013, no. 67 (4), pp. 193–202.
 18. Li T. M. H., Liu L., Wong P. W. C. Withdrawal experience and possible way-outs from withdrawal behavior in young people. In: *Qualitative Social Work*, 2018, no. 17 (4), pp. 537–555.
 19. Li T. M. H., Wong P. W. C. Youth social withdrawal behavior (hikikomori): a systematic review of qualitative and quantitative studies. In: *Australian & New Zealand Journal of Psychiatry*, 2015, no. 49 (7), pp. 595–609.
 20. Nonaka S., Sakai M. Psychological Factors Associated with Social Withdrawal (Hikikomori). In: *Psychiatry investigation*, 2021, no. 8 (5), pp. 463–470.
 21. Nonaka S., Takeda T., Sakai M. Who are hikikomori? Demographic and clinical features of hikikomori (prolonged social withdrawal): A systematic review. In: *Australian & New Zealand Journal of Psychiatry*, 2022. Available at: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov> (accessed: 10.10.21).
 22. Petrova Y. A., Alehina M. V., Romanchenko A. P. Hikikomori as psychological type of person by the example of Japan. In: *Problems of development of a personality: diversity of approaches: Materials of the IV international scientific conference / Prague, November, 15–16, 2017*. P. 67–70.
 23. Rubinstein E. Emplotting hikikomori: Japanese parents' narratives of social withdrawal. In: *Culture, Medicine, and Psychiatry*, 2016, no. 40 (4), pp. 641–663.
 24. Suwa M., Suzuki K. The phenomenon of "hikikomori" (social withdrawal) and the socio-cultural situation in Japan today. In: *Journal of Psychopathology*, 2013, no. 19, pp. 191–198.
 25. Tajan N., Yukiko H., Pionniy-Dax N. Hikikomori: the Japanese Cabinet Office's 2016 survey of acute social withdrawal. In: *The Asia Pacific Journal*, 2017, no. 15 (5). Available at: <https://apjjf.org> (accessed: 10.01.22).
 26. Teo A. R. A new form of social withdrawal in Japan: a review of hikikomori. In: *International journal of social psychiatry*, 2010, no. 56 (2), pp. 178–185.
 27. Teo A. R., Fetters M. D., Stufflebam K., Identification of the hikikomori syndrome of social withdrawal: psychosocial features and treatment preferences in four countries. In: *International Journal of Social Psychiatry*, 2015, no. 61 (1), pp. 64–72.
 28. Wong J. C. M., Wan M. J. S., Kroneman L. Hikikomori phenomenon in East Asia: regional perspectives, challenges, and opportunities for social health agencies. In: *Frontiers in psychiatry*, 2019, no. 10. Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov> (accessed: 10.01.22).
 29. Yong R. K. F., Kaneko Y. Hikikomori, a phenomenon of social withdrawal and isolation in young adults marked by an anomic response to coping difficulties: a qualitative study exploring individual experiences from first-and second-person perspectives. In: *Open Journal of Preventive Medicine*, 2016, no. 6 (01). Available at: <https://www.scirp.org/journal> (accessed: 10.01.22).

30. Yong R., Nomura K. Hikikomori is most associated with interpersonal relationships, followed by suicide risks: a secondary analysis of a national cross-sectional study. In: *Frontiers in psychiatry*, 2019, no. 10. Available at: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov> (accessed: 10.01.22).
31. Yung J. Y., Wong V., Ho G. W. Understanding the experiences of hikikomori through the lens of the CHIME framework: connectedness, hope and optimism, identity, meaning in life, and empowerment; systematic review. In: *BMC psychology*, 2021, no. 9 (1). Available at: <https://bmcp psychology.biomedcentral.com> (accessed: 10.01.22).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Нестерова Альбина Александровна – доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии Московского государственного областного университета
e-mail: anesterova77@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-7830-9337;

Кичман Дмитрий Николаевич – аспирант кафедры социальной психологии Московского государственного областного университета;
e-mail: mankich@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7957-8232.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Albina A. Nesterova – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Department of Social Psychology, Moscow Region State University;
e-mail: anesterova77@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-7830-9337;

Dmitrii N. Kichman – Postgraduate Student, Department of Social Psychology, Moscow Region State University;
e-mail: mankich@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7957-8232.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Нестерова А. А., Кичман Д. Н. Личностные особенности лиц, находящихся в состоянии острой социальной самоизоляции (хикикомори) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2022. № 2. С. 117–134.
DOI: 10.18384/2310-7235-2022-2-117-134

FOR CITATION

Nesterova A. A., Kichman D. N. Personal characteristics of people in a state of acute social self-isolation (hikikomori). In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*, 2022, no. 2, pp. 117–134.
DOI: 10.18384/2310-7235-2022-2-117-134